

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Белова Т.А.¹, Брицкая А.Л.¹, Кормильцева Е.А.², Лобова Т.Г.¹

¹ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Омск, e-mail: belova.t.a@mail.ru;

² ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Омск

Анализ исследовательской литературы свидетельствует о том, что в российском научном педагогическом сообществе в целом сложилось общее понимание задач современного этапа развития высшей школы. Ни у кого не вызывает сомнений требование нацеливать учебный процесс не на запоминание студентом готовых знаний, а на создание условий, стимулирующих молодого человека самостоятельно отбирать нужную информацию и выбирать средства обучения, быть готовым действовать в постоянно изменяющейся среде. В этой связи необходимость формирования и укрепления того, что называется исторической памятью, обнаруживает свою органическую связь с таким индивидуальным и одновременно социальным чувством, как патриотизм. Изучение исторической памяти – это междисциплинарная область исследований, объединившая вокруг себя философов, психологов, этнографов, археологов, историков и социологов. Междисциплинарный подход нашел свое отражение в разных концепциях исторической памяти, в обнаружении отличий между памятью коллективной и индивидуальной, в исследованиях рациональной, ментальной и эмоциональной составляющих исторической памяти. Авторы анализируют теоретический материал, делятся собственным опытом в отношении форм и средств реализации задачи формирования чувства патриотизма у современной молодежи.

Ключевые слова: историческая память, нарратив, чувство патриотизма, идентичность, образование, воспитание, высшая школа.

HISTORICAL MEMORY AND OPPORTUNITIES FOR FORMING PATRIOTISM IN STUDENT YOUTH

Belova T.A.¹, Britskaya A.L.¹, Kormiltseva E.A.², Lobova T.G.¹

¹ Omsk State Medical University, Omsk, e-mail: belova.t.a@mail.ru;

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk

An analysis of the research literature indicates that the Russian scientific pedagogical community as a whole has a common understanding of the tasks of the present stage of development of higher education. No one doubts the need to focus the educational process not on the student's memorization of ready knowledge, but on the creation of conditions that encourage the young man to independently select the necessary information and choose the means of instruction, to be ready to act in a constantly changing environment. In this regard, the need to form and strengthen what is called historical memory reveals its organic connection with such an individual and at the same time social feeling, as patriotism. The study of historical memory is an interdisciplinary field of research that brings together philosophers, psychologists, ethnographers, archaeologists, historians and sociologists. The interdisciplinary approach is reflected in the different concepts of historical memory, in discovering the differences between collective and individual memory, in the studies of the rational, mental and emotional components of historical memory. The authors analyze the theoretical material, share their own experience regarding the forms and means of realizing the task of forming a sense of patriotism among modern youth.

Keywords: historical memory, narrative, patriotism, identity, education, upbringing, high school.

Эффективность деятельности института высшего профессионального образования связывают сегодня с реализацией образовательной и воспитательной функций. Высшая школа призвана не только создавать условия для формирования профессиональных компетенций студентов, но и содействовать развитию личностных качеств учащейся молодежи, в первую очередь чувства патриотизма [1]. Уже у древних греков мы находим, что чувство «дома» (каким представлялся полис) оказывалось определяющим в жизни

свободного гражданина: он был готов и способен собственными интересами, включая свою жизнь, подчинить интересам и нуждам полиса. Чувство патриотизма делает возможной *органическую* интеграцию в общество каждого отдельного его представителя, который идентифицирует себя как часть этого целого, связывая свою деятельность и интересы с интересами этого целого [2, с. 6]. В этом смысле патриотизм оказывается таким «социальным чувством», которое, как писал М.Е. Салтыков-Щедрин: «...более, нежели другое проявление человеческого духа, находится в зависимости от воспитания».

Цель исследования: разработка форм и средств реализации задачи формирования чувства патриотизма у современной молодежи на основе изучения феномена исторической памяти.

Материал и методы исследования. Основными методами исследования являются два взаимосвязанных метода – теоретический и эмпирический. Теоретический метод подразумевает синтез взглядов и оценок феномена исторической памяти и последующий анализ данного фактического материала. Эмпирический метод связан с поиском и применением определенных средств и форм в педагогическом опыте, обусловленных педагогической целью.

Результаты исследования и их обсуждение. Понятие «патриотизм» проблемно с точки зрения научного определения, однако его определяющей составляющей является чувство, эмоционально-ценностное отношение – *любовь* к своей родине, ее истории, традициям, культуре и народу, частью которого индивид себя считает. Такая любовь предполагает и требует *осознанного* отношения к той исторической и культурной общности, принадлежности к которой необходимо *лично установить*. Что позволяет это сделать? Изучение истории своей родины и ее культуры. Очевидный ответ таит в себе неочевидный смысл.

И.А. Ильин писал: «Родина есть *духовная* жизнь моего народа; в то же время она есть совокупность творческих созданий этой жизни; и, наконец она объемлет и все необходимые условия этой жизни – и культурные, и политические, и материальные (и хозяйство, и территорию, и природу). Истинному патриоту драгоценна не просто сама “жизнь народа” и не просто “жизнь его в довольстве”, но именно жизнь подлинно духовная и духовно-творческая. Вот в чем состоит это *священное сокровище* – родина...» [3, с. 274–275]. Именно курс «История», который входит в базовую часть преподаваемых дисциплин высшей школы, оказывается не только и не столько связан со знакомством и знанием фактов прошлого, сколько обращается к *пробуждению личного интереса* обучающегося к так называемому духовному творчеству своего народа, представленному во времени. Так само обучение, обращение к знанию прошлого оказывается сутью воспитания. Обратимся еще раз к

размышлениям русского философа: «Обретение родины должно быть пережито каждым из людей *самостоятельно и самобытно*», где патриотизм оказывается «состоянием вдохновенного творчества». Так необходимым аспектом исторического образования становится переживание («живой опыт») «объективного и безусловного достоинства» своего народа, благодаря которому и случается отождествление себя с «духовной судьбой своего народа» [3, с. 273, 277]. «Духовное самоопределение» невозможно без всестороннего анализа изучаемого материала. Это позволяет увидеть ту самую «духовно-творческую жизнь», отношение *к* которой и *с* которой обучающийся (студент) готов будет поддерживать и развивать в собственной жизни, возможно, даже профессиональной. Теперь «Я» вполне осознанно переживает свою сопричастность конкретному «МЫ», которое вызывает как гордость и уважение, так и желание что-то изменить в нем, его судьбе.

Чувство патриотизма неявным образом, но оказывается связано с «персональной идентичностью». Последняя невозможна без коллективного исторического прошлого, выходящего за рамки отдельной биологической жизни индивида, в которой размещается не только он, но и его родственники, род, народ, сменяющие друг друга культуры, человечество. История оказывается не имманентным процессом развития общества, она представляет собой форму *бытия человека*, которое «темпорально, имеет собственную историю», поэтому и «наша идентичность возникает из историчности». Индивид относится к своему будущему постольку, поскольку он определяет себя по отношению к своему *человеческому* наследству, символизирующему *его* «историческую почву». Что есть эта *почва*? Это те оставшиеся или существующие артефакты, способы и формы существования *человеческого* мира, конкретный пример которых демонстрирует историческое бытие отдельного народа, культуры, общества.

Сегодня, когда изменились концептуальный и методологические принципы изучения истории, индивидуальное измерение истории, личностная включенность в социально-историческое бытие признается и обнаруживается в различных формах и способах своего проявления, поскольку главным предметом истории становится уже не событие прошлого само по себе, а существующая, передаваемая и транслируемая *память о нем*, запечатленная в рассказе. История как рассказ, а точнее, «дискурсивная практика развертывания сюжетов», нарратив – это повествование о событиях. Именно поэтому отдельного внимания сегодня заслуживает как со стороны историков-профессионалов («производителей» исторического знания), так и со стороны любого, кто впервые сталкивается с исторической реальностью в непрофессиональных целях, *устная традиция*, передающая образы прошлого, которые запечатлелись у переживших его участников и современников («обыденный опыт индивидов и групп»). Устная традиция, которая в свое время перестала представлять интерес для

историков, являет собой один из уровней *реализации исторического знания*, один из трех уровней трансляции нарратива, к которым, помимо этого, относят профессиональное отношение и изучение прошлого, а также наррации, транслируемые медиа, искусством, культурными индустриями [4, с. 125].

Примером устной традиции являются устные воспоминания (представителей определенной социальной группы), семейные хроники и рассказы рядовых участников исторических событий, бытующие и пересказываемые анекдоты. И, хотя источники устной традиции требуют, по мнению специалистов, внимательной и всесторонней критики, они выполняют важную функцию трансляции *памяти* о произошедшем событии, а точнее – его «символической репрезентации» – «образа исторического события», который становится составляющей как самоидентификации социальной группы, общества, так и самоидентификации индивида [5, с. 23]. Приобщение и интеграция в единое пространство образов коллективной памяти делают возможным преемственность традиции между поколениями, а значит, оказываются актуальными как для настоящего, так и для будущего любого общества. Особенность устной традиции состоит в возможности *непосредственного и эмоционального* приобщения к образам прошлого, которые она транслирует. Это является «своего рода *духовным обращением*» к «духовной жизни и духовному достоянию своего народа». Такое «живое» взаимоотношение с памятью прошлого, по мысли И.А. Ильина, делает человека «настоящим патриотом».

Обращение к устной (неакадемической) традиции в изучении прошлого связано с признанием того, что в основе исторического знания лежат та или иная *дискурсивная стратегия*, тот или иной уровень исторической наррации. Благодаря этому понимание исторического бытия сегодня связывают с феноменом исторической памяти. Последняя представляет собой один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, а также *измерение* индивидуальной и коллективной памяти, что «легализует» обращение к устной традиции [5, с. 23]. Источники формирования исторической памяти весьма разнообразны. Это учебная литература, научные публикации, архивные материалы, летописи, мемуары, памятники архитектуры и живописи, народное творчество, сама форма организации жизни, обычаи и ритуалы. В XX в. особое значение для формирования исторической памяти получили аудиовизуальные источники разных типов: кино-, теле-, аудио-, радиоисточники, в XXI в. – Интернет. Среди исследователей исторической памяти в XX в. называют имена М. Хальбвакса, П. Нора, Ж. Гоффа, П. Хаттона, Ф. Артона, Я. Ассмана. В современной российской исторической науке также активно идут исследования исторической памяти [6]. Морис Хальбвакс утверждал, что история и историческая память в определенном смысле противоположны: «История обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция,

когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-то фиксировать. Поэтому потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя много свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание» [7, с. 22]. В отечественной историографии позиция основателя теории исторической памяти не разделяется полностью. Отмечается, что, хотя историк, изучающий древнюю эпоху, сталкивается с недостатком источников, с течением времени по мере того, как прошлые события утрачивают непосредственную актуальность, становится возможным дать их более объективное описание. Однако с уменьшением круга современников исторических событий историческая память становится менее достоверной и более пропитанной реалиями дня сегодняшнего [8]. Иначе говоря, «прошлое» понимается уже не в категории «объективного» факта истории, оно представляет собой «искусственный продукт» современности (М. Хальбвакс), это объясняет, почему историческая память со временем селекционируется, «осовременивается» и реконструируется. Такая реконструкция может быть обусловлена как решением идеологических задач государства, так и *отдельными интересами* политической и экономической элиты. Кроме того, особую роль в процессе репрезентации образов прошлого в памяти людей и интеграции общества сегодня играет медиапространство. Наравне с архивами, библиотеками и музеями оно становится не просто хранилищем информации, но все больше и больше выступает в роли инстанции, которая формирует общественное мнение, отношение к прошлой и современной истории. Средства массовой информации способствуют созданию и распространению исторических мифов и исторических штампов. Все это делает историческую память сегодня *очевидно* ангажированной. Современные молодые люди, видя на книге, статье или фильме отметку «исторический», автоматически соотносят представленные данные с исторической реальностью, воспринимая предложенную картину как происшедшую в действительности, не допуская при этом, что представленный «источник» или «образ прошлого» – это одно из средств «политики памяти» и «использования прошлого». По мнению ряда исследователей, у молодежи не сформированы качества, которые способствовали бы развитию критического мышления в оценке исторических данных, определению составляющих, позволяющих отличить режиссерский вымысел от исторического факта. В этом случае могут происходить целенаправленное искажение восприятия прошлого и связанная с этим манипуляция памятью как отдельного индивида, так и группы.

Таким образом, исследования исторической памяти показали, что она может не только сознательно искажаться, но и естественным образом претерпевает свою

трансформацию (о чем, например, говорят М. Хальбвакс, П. Нора). Это имеет отношение и к документальной традиции – документально подтвержденные исторические факты, и к устной. Однако именно *разные уровни представленности исторической наррации* и связанные с ними источники могут, дополняя друг друга, *формировать критичность мышления* к ангажированному образом прошлого. В этой связи особого внимания заслуживают те источники памяти, которые сохраняла на протяжении столетий культура как «пространство общей (и притом внутренне разнообразной) памяти, единство которой обеспечивается наличием совокупности константных текстов» [9, с. 90].

Традиционная историческая наука отдает безусловный приоритет *письменным* историческим источникам. Поскольку историческая память включает в себя «мощный пласт личностных восприятий, переживаний и представлений и составляет “живую память” индивида» [10, с. 88], то совершенно закономерно привлечение в процессе изучения курса «История» документов из семейных архивов. Авторами этих источников оказываются представители группы, к которой имеет отношение сам обучающийся, что ставит *его* перед фактом *собственной историчности*, его связи с историей семьи и общества. Изучение воспоминаний близких и знакомых непосредственно влияет на формирование чувства причастности к событиям прошлого и чувства патриотизма. Авторы статьи имеют опыт работы со студентами в этом направлении [10]. Обращение к письмам с фронта, дневниковым записям военных лет, воспоминаниям родных, сохраненным в памяти семьи, не только дополняет знания о войне, но и оказывает огромное эмоциональное, а значит, и воспитательное воздействие на студенческую молодежь.

Возможно обращение обучающихся к источникам культурной памяти: музыке, архитектуре, моде, кино, журналам и газетам – при организации и проведении таких мероприятий, как фестиваль военной песни, литературные вечера, конкурсы плакатов, посвященные памятным датам и событиям. Не стоит забывать и об обращении обучающихся к *местам памяти*, или так называемым мнемоническим местам: привлечение студенческой молодежи при организации тематических исторических выставок или же посещение специализированных музеев (например, «Музей боевой славы омичей», «Историко-краеведческий музей» и т.п.). В результате такого активно-деятельного освоения памяти прошлого происходит узнавание той «духовно-творческой» силы и жизни своего народа, о которой писал И.А. Ильин.

Преподавание истории в вузе открывает самые широкие возможности для применения *проблемного подхода*, который также имеет отношение к активно-деятельному освоению исторического материала, представленного разными наррациями (текстами) и актуализирующего в зависимости от задания разную психологическую позицию студента,

что активизирует его познавательную деятельность. Так субъект – носитель исторической памяти может занимать по отношению к событию следующие психологические позиции: «Участник», «Очевидец», «Современник» и «Наследник» [11]. Изучение источников дает возможность обучающемуся оказаться сразу в нескольких позициях (например, «Очевидец» и «Современник»), делая возможным таким способом «включение» исторического компонента в индивидуальную автобиографию. Важно обращать внимание самого обучающегося на такую позицию, как «Наследник», поскольку она требует рефлексии и оценки смыслов и образов памяти прошлого в перспективе будущего.

Приведем пример. Для проверки понимания и усвоения студентами материала по теме «Внутриполитическое развитие СССР во второй половине 50-х годов XX в.» предлагается дать критическую оценку текстов, принадлежащих разным уровням реализации исторического знания: фрагменту из доклада Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, фрагменту из книги «Пережитое» советского историка Е.В. Гутновой, фрагменту из воспоминаний известного советского публициста О. Лациса о докладе Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Анализ одного официального и двух частных документов, связанных с одним и тем же явлением, позволит студентам выступить в роли самостоятельных исследователей, даст возможность увидеть многообразие, неоднозначность исторических процессов с позиции той роли, которую займет обучающийся при работе с разными образами репрезентации прошлого. Задача преподавателя – подобрать необычные тексты (которые могут не совпадать в оценках, характеристиках) из творчества хорошо знакомых и, возможно, ставших непререкаемыми авторов. Это создает интригу, разрушает стереотип, раскрепощает мышление студента, стимулирует его творческие способности [12].

Заключение. Таким образом, историческая память является не просто отдельно взятой концепцией, разработанной в рамках современной исторической науки и представляющей ценность исключительно для профессиональных исследователей. Можно говорить о ее методологическом значении для решения как образовательных, так и воспитательных задач. Речь идет о возможности «живой» передачи традиции, о сохранении связи Истории и Жизни. Как представляется авторам, рефлексия образов прошлого в опыте индивидуальной памяти может способствовать развитию критичности мышления в отношении исторического прошлого и будет содействовать формированию патриотизма благодаря личностной интеграции в пространство исторических образов коллективной памяти.

Список литературы

1. Белова Т.А., Брицкая А.Л., Непша И.В., Сивирин О.А., Швин М.В. Патриотическое воспитание современной молодежи в медицинском вузе: на примере Омского государственного медицинского университета // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 4-2. С. 309-313.
2. Ланцева А. М. Философский смысл концепта патриотизм в России и Чехии // Вестник славянских культур. 2013. № 3 (29). С. 5–11.
3. Ильин И.А. Пути духовного обновления // Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: ЭКСМО, 2007. 912 с.
4. Тульчинский Г.Л. Философия истории и нарративы исторической памяти // Философский журнал. 2019. Т.12. № 1. С.117 – 129.
5. История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под редакцией Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
6. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106-126.
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2> (дата обращения 15.03.2020).
8. Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2017. 400 с.
9. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С.82 – 99.
10. Кормильцева Е.А. Память о войне. Источниковедческий анализ // Двадцать первые апрельские экономические чтения: материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 2015. С.324-326.
11. Нуркова В.В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С.5-27.
12. Кормильцева Е.А., Бурмистрова Н.А., Алиевская Ю.И. Методика развития креативности у студентов. Учет особенностей психологии молодости // Наука и общество: Проблемы современных исследований: XIII Международная научно-практическая конференция: сборник статей в 3-х ч. Омск: Изд-во ОмГА, 2019. Ч.3. С.12-16.